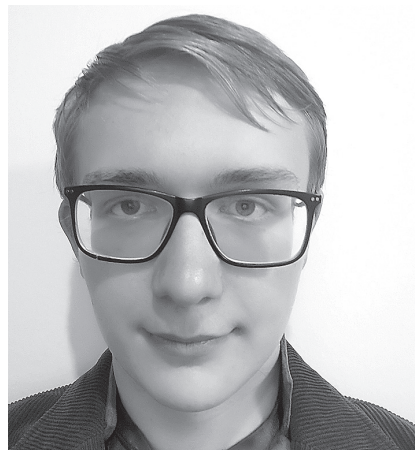

Дальние родственники: Александр Радищев и декабристы

ДАНИЛА
КРАСНОВ

В свое время в советской историографии утвердилось стойкое представление о наличии прямой идейной преемственности между Александром Радищевым и движением декабристов. Согласно этой концепции, декабристы были непосредственными продолжателями революционных идей, сформулированных Радищевым за три десятилетия до восстания. Этот взгляд был канонизирован в трудах видных историков – например, Милицы Нечкиной – и стал неотъемлемой частью официального исторического нарратива¹. Его научная живучесть и идеологическая устойчивость подтверждаются тем, что он от десятилетия к десятилетию продолжал воспроизводиться в советской академической литературе. Характерным примером, в частности, может послужить вышедшая более полувека назад монография Владимира Пугачева, посвященная Александру Радищеву. В этом труде тезис о прямой преемственности выдвигается как нечто само собой разумеющееся и не требующее верификации. Если верить автору, то именно «с Радищева начинается история революционной мысли в Рос-

*Данила Сергеевич
Краснов (р. 2001) –
политолог, специалист
по истории политической
мысли.*

1 Автор благодарит Андрея Костина и Наталью Потапову за помощь в подборе источников для настоящей статьи.

**ДЕКАБРЬ 1825-го:
ЕГО
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
И НАСЛЕДНИКИ**

сии», а «большинство декабристов прочли [его] знаменитую книгу “Путешествие из Петербурга в Москву”»².

РАДИЩЕВСКИЙ МИФ

Истоки этого мифа уходят глубоко в дореволюционную эпоху, хотя его идеологическое закрепление произошло только в начале XX века. Ключевую роль в этом сыграла написанная в 1914 году статья Владимира Ленина «О национальной гордости великороссов», в которой был обрисован пантеон революционных предшественников большевизма. Перечисляя тех, «кем мы гордимся», Ленин поставил Радищева в один ряд с декабристами и революционерами-разночинцами, предложив тем самым картину непрерывной революционной эстафеты, где одни борцы против самодержавия неустанно сменяли других³. Умозрительная схема, после 1917 года приобретающая директивный характер, предопределила направление научных изысканий на многие годы вперед, заставляя советских историков усматривать убедительные доказательства там, где их подчас не существовало.

Канонизированный образ Радищева-революционера, однако, начал разрушаться по мере более тщательного анализа его главного труда. Уже в конце 1930-х классик советского литературоведения Григорий Гуковский, сам работавший в парадигме «революционной преемственности» – его памяти Пугачев и посвятил свою книгу, – был вынужден констатировать глубокую внутреннюю сложность и запутанную идейную эволюцию мыслителя. Анализируя философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», созданный Радищевым в сибирской ссылке, Гуковский писал:

«Сознательные убеждения [Радищева] материалистичны, а в бессмертие души он может только верить; слишком тяжела жизнь, особенно жизнь свободолюбца при деспотизме, слишком хочется человеку верить в то, что несчастье его не вечно».

При этом советский ученый не мог не обратить внимания на «предательски сомневающееся “если”», не раз встречающееся на страницах трактата и заставляющее заключить, что материализм Радищева оставался непоследовательным, а его мышление – противоречивым⁴. Вырисовывавшийся в результате об-

2 Пугачев В.В. А.Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. Горький: Типография ЭМ ГИФТИ, 1960. С. 3.

3 Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Он же. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1960. Т. 26. С. 107.

4 Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. С. 438–439.

раз непоследовательного и колеблющегося человека довольно плохо соответствовал ярлыку «прямого предшественника»: неустоявшиеся мысли мятущейся личности едва ли могли автоматически усваиваться последующими поколениями революционных борцов. Иначе говоря, уже в рамках советской науки подспудно вызревало понимание, что Радищева нельзя считать пламенным революционным трибуном «без страха и упрека» – он, как постепенно выяснялось, был скорее неоднозначным, а то и трагичным мыслителем, чье наследие требует не механического заучивания, а критического осмысления.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

Умозрительная схема, после 1917 года приобретшая директивный характер, предопределила направление научных изысканий на многие годы вперед, заставляя советских историков усматривать убедительные доказательства там, где их подчас не существовало.

Именно этот тезис отстаивался в вышедшей в 1966 году книге Юрия Карякина и Евгения Плимака «Запретная мысль обретает свободу», которая, оставаясь в целом в рамках марксистской парадигмы, решительно отбрасывала примитивные трактовки радищевского наследия. Авторы доказывали, что «Путешествие из Петербурга в Москву» является не политическим манифестом, а многослойным и неоднозначным текстом-размышлением. Причем, по их мнению, пресловутая противоречивость книги – либеральные проекты будущего в сочетании с революционными призывами в настоящем – свидетельствовала не об отсутствии у автора четких принципов, а отражала происходивший в его сознании «процесс преодоления, изживания либеральных идей»⁵. Подобного рода трактовки можно обнаружить и у других отечественных специалистов – как советских, так и постсоветских.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы критически проанализировать сделавшийся обыденным тезис о прямой преемственности между Радищевым и декабристами. Ради достижения этой цели в статье последовательно рассматриваются: а) показания декабристов на следствии после провалившегося восстания; б) особенности рукописного распространения «Путешествия»; в) бытование мифа о преемственности в отечественной историографии дореволюционной и послереволюционной поры. Привлечение комплекса источников – вклю-

5 Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. *Запретная мысль обретает свободу*. М.: Наука, 1966. С. 25.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

чая следственные дела декабристов, данные о рукописном распространении самого известного радищевского произведения, мемуарную литературу, а также библиографические изыскания – позволит, как представляется, поставить под сомнение основательность мифологии о Радищеве. При этом исследовательская задача заключается не в том, чтобы подвергнуть знакомство декабристов с трудами Радищева полнейшему отрицанию, а в том, чтобы показать, что оно нередко было вынужденным, оставалось ограниченным и не обладало ключевой значимостью при формировании их убеждений. В статье будет показано, что на протяжении долгого времени строгий источниковедческий анализ радищевского наследия подменялся идеологической предвзятостью, вектор которой был задан ленинской публицистикой.

РАДИЩЕВ И СЛЕДСТВИЕ

Следственные дела декабристов служат уникальным источником, позволяющим обозначить реальный вклад произведений и воззрений Александра Радищева в их социально-политические установки. Работая с этими материалами, нужно иметь в виду, что прямой вопрос о знакомстве подсудимых с «Путешествием из Петербурга в Москву» не входил в стандартную анкету специальной следственной комиссии, а упоминания этой книги возникали лишь эпизодически и в специфических контекстах. Иначе говоря, многое из того, что было сказано о Радищеве на допросах, едва ли можно воспринимать буквально⁶.

В интересующем нас разрезе показательна стратегия, которую избрал Вильгельм Кюхельбекер. Отвечая на обязательный вопрос об истоках «свободного образа мыслей», он первоначально вообще предпочел не упоминать нелегальной литературы. Лишь позже, рассуждая о вреде «рукописной словесности», он обмолвился, что читал и радищевские сочинения, тут же, однако, поспешив минимизировать значение этого факта: по словам допрашиваемого, в «Путешествии из Петербурга в Москву» он «мало что понял»⁷. При этом Кюхельбекер сделал важное уточнение, заявив, что подобные сочинения «переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»⁸. Признание ценности запретного текста для декабристского круга, сопровождаемое одновременным публичным отмежеванием от него, с одной стороны, подтверж-

6 Далее будут использоваться материалы, собранные в: *Восстание декабристов: документы. Т. I–XXIII. М., 1925–2016*. Все тома этого собрания доступны в электронном виде: <http://decabristy-online.ru/doc/dela/>.

7 *Восстание декабристов... Т. II [1926]*. С. 167.

8 Там же.

дает само знакомство с радищевским произведением, а с другой стороны, позволяет предположить, что власти приписывали ему гораздо бóльшую важность, нежели сами мятежники.

Впрочем, иные участники движения высказывались по интересующему нас поводу более прямолинейно. Например, Владимир Штейнгель, представлявший самую старшую по возрасту когорту декабристов, назвал «Путешествие из Петербурга в Москву» в числе сочинений, способствовавших усвоению им «либеральных понятий»⁹. Аналогичным образом и Петр Бестужев сообщил следователям, что «свободные мысли зародились в нем вследствие чтения разных рукописей», в круг которых входило и радищевское «Путешествие»¹⁰. Важно, однако, что перечисленные признания остаются практически единичными: как показывает анализ следственных материалов, конкретные ответы, прямо указывающие на Радищева, в ходе допросов были редкостью.

Намеренно занижая вредоносность текста, но при этом не отрицая знакомства с ним, декабристы словно воспроизвели приемы самого Радищева, также побывавшего в царских застенках несколькими десятилетиями ранее. Как сообщает Гуковский, допрашиваемый екатерининскими следователями в 1790 году автор «Путешествия» избрал «сложную линию самозащиты»: «Он доказывал, что его книга – только обычное литературное произведение вроде Стерна или Рейналя, не более. Он топил свои показания в покаянных словах... Но отказать от главного он не хотел – и не сделал этого»¹¹. Иначе говоря, автор подрывного сочинения делает вид, будто не понимает, что именно он написал; точно так же и Кюхельбекер спустя годы пытается убедить розыск, будто прочитанное «неблагонадежное» произведение осталось за пределами его понимания. Декабристы уходят от пояснений не потому, что не желают открыть допрашивающим одного из потаенных источников своих политических воззрений, а скорее всего поскольку знают: официоз ненавидит этот труд, считает его опасным, а следовательно, лишние разговоры о нем могут усугубить их участь.

Советские исследователи между тем нарочито игнорировали указанное обстоятельство, усматривая в словах и мыслях подследственных то, чего те не говорили и не думали. Так, в комментариях к показаниям Александра Муравьева один из сотрудников Нечкиной пытается приписать этому декабристу «стиль Радищева» – исключительно на том основании, что в его показаниях единожды встречается якобы радищевский оборот

9 *Восстание декабристов...* Т. XIV [1976]. С. 176–177.

10 Там же. С. 326.

11 Гуковский Г.А. *Указ. соч.* С. 434–435.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

«вольно-дерзко-безумно-думство»¹². Однако подобная атрибуция, как справедливо отмечается историком Натальей Потаповой, «сомнительна с точки зрения аргументации»¹³ и свидетельствует лишь об одном: исследовательская установка на поиск предписанной авторитетным источником преемственности побуждает находить чаемые аллюзии даже там, где скорее всего речь идет о простом совпадении языковых оборотов.

Таким образом, из следственных материалов вырисовывается далеко не однозначная картина, которая резко контрастирует с безапелляционными утверждениями, присущими советской историографии. В то время как мы сегодня, опираясь на материалы дела, констатируем спорадичность и вынужденность упоминаний Радищева в показаниях арестованных, ученые, опиравшиеся на парадигму «революционной преемственности», представляли дело решительно по-другому. Так, Пугачев, следуя сложившемуся канону, писал о «могучем воздействии идей Радищева на несколько поколений русских революционеров»¹⁴. Но показания самих декабристов говорят не об уникально мощном, но, напротив, о весьма узком влиянии «Путешествия» на их мировоззрение. Знакомство большинства из них с опальным текстом предстает чисто случайным и поверхностным.

Данные следствия рисуют сложную картину. С одной стороны, они доказывают, что некоторые декабристы действительно читали радищевское «Путешествие», причем преимущественно в рукописных версиях. С другой стороны, упоминания об этом оказываются единичными, вынужденными, принижающими. Запрещенная книга входила в круг чтения будущих членов тайных обществ, но нет никаких оснований приписывать этому тексту ту влияние, которой наделяла его советская историческая наука. Вместе с тем, чтобы объективно оценить масштабы этого знакомства, необходимо обратиться к практикам нелегального распространения рукописных вариантов «Путешествия» среди образованных русских читателей.

РАДИЩЕВ И «САМИЗДАТ»

Основным каналом распространения идей Радищева в первой половине XIX века, особенно после едва ли не полного уничтожения тиража «Путешествия из Петербурга в Москву», стали скопированные с оригинала рукописные версии. Печатное издание 1790 года превратилось в библиографическую ред-

¹² *Восстание декабристов...* Т. III [1927]. С. 409.

¹³ Электронное письмо автору. 28 октября 2025 года.

¹⁴ Пугачев В. В. *Указ. соч.* С. 3.

кость сразу после выхода в свет; по подсчетам исследователей, к настоящему времени в российских хранилищах имеются не более пятнадцати типографских экземпляров этой книги¹⁵. Однако, как отмечает Андрей Тартаковский, это компенсировалось широким нелегальным распространением произведения в нелегальных списках¹⁶, ставшем «весьма заметным явлением литературной жизни и общественной мысли»¹⁷. Широта этого коммуникационного канала впечатляет: к середине 1980-х удалось обнаружить около сотни рукописных копий книги¹⁸. Причем специалисты полагают, что речь идет лишь о верхушке айсберга, а общее количество списков, циркулировавших в России на рубеже XVIII–XIX веков, могло достигать трехсот¹⁹.

Любопытно также хронологическое распределение списков – по крайней мере тех из них, которые поддаются датировке. Оно свидетельствует о том, что пик интереса к радищевскому творчеству приходится именно на «пушкинскую эпоху»: 1790-е – 21 список (23%); 1800–1825 – 54 списка (59%); 1826–1840-е – 9 списков (10%); вторая половина XIX века – 7 списков (8%)²⁰. Вместе с тем было бы недопустимым упрощением заявлять, что отмечаемый интерес обусловлен сугубо революционными настроениями. Как показывает в своем исследовании Тартаковский, в 1830-х в глазах Пушкина и его современников фигура Радищева, как и главный его труд, встраивались в более широкий контекст исторического осмысления екатерининской эпохи, крестьянского вопроса и трагической судьбы писателя в самодержавном государстве²¹.

«Путешествие» привлекало читателей не только в качестве политического памфлета, но и как уникальный исторический источник, запечатлевший язык русского общества конца XVIII столетия. Важно также отметить, что интерес к этому произведению в первой трети XIX века далеко не всегда мотивировался протестными настроениями: как указывал Гуковский, книга Радищева считалась «незаурядным художественным произведением», а не просто «политическим трактатом, лишь условно оформленным беллетристически»²². Ее ценность для читателей пушкинской поры могла заключаться не только в «дерзких словцах», но и в новаторском языке, острой

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

15 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. А.С. Пушкин и А.Н. Радищев: Заметки источниковеда // Отечественная история. 1999. № 1. С. 64–90.

16 В историко-литературном контексте «списками» называют рукописные копии произведений, распространенных в XVII–XIX веках в обход цензуры. – *Примеч. ред.*

17 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 1.

18 Подробнее об этом см.: РАДИЩЕВ А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. С. 475, 478.

19 Там же С. 479.

20 Там же С. 478.

21 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 144–148.

22 ГУКОВСКИЙ Г.А. Указ. соч. С. 456.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

публицистичности, смешении жанров и, наконец, в уникальном историческом свидетельствовании о недавно ушедших екатерининских временах. Следовательно, сам по себе факт наличия списка в чьей-то личной библиотеке, как и его прочтение в университетском или гимназическом кружке, еще не означал автоматического принятия радищевской политической программы. Для многих современников «Путешествие» выступало важным, но устаревающим элементом складывавшейся в то время традиции русской интеллектуальной прозы, художественные особенности которой – например, проявления сентиментализма или интерес к фольклору, подмечаемые Гуковским, – оказывались не менее значимыми, чем прямые революционные призывы.

Важным, хотя и неоднозначным свидетельством знакомства с наследием Радищева в среде будущих декабристов служит наличие его работ в личных библиотеках. Известно, например, что в библиотеке Никиты Муравьева имелось собрание сочинений Радищева, изданное в 1807–1811 годах²³. Однако, как пишет историк Николай Дружинин, это мало о чем говорит:

«М.Н. Муравьев, вероятно, с сочувствием и интересом следил за выходящими книжками либерального “Санкт-Петербургского журнала”, но он гораздо ближе примыкал не к радикальным писателям А.Н. Радищеву и И.П. Пнину, а к сентиментальным романтикам Н.М. Карамзину и В.А. Жуковскому»²⁴.

Такой подход позволяет скорректировать упрощенные представления о прямой преемственности между радикальной мыслью XVIII века и программами тайных обществ. Ценными источниками, раскрывающими конкретные читательские аудитории и контексты восприятия «Путешествия», остаются также дневники и мемуары современников. Так, Михаил Погodin, будучи студентом Московского университета, записал в дневнике 15 октября 1820 года: «Есть книга “Путешествие из Петербурга в Москву”, [...] сочиненная покойным Радищевым. В ней описывается много касающегося до Екатерины»²⁵. Эта запись, сделанная членом кружка, где в числе прочих состоял и Федор Тютчев, позволяет предположить, что книга Радищева оставалась предметом обсуждения в университетской среде. Другой пример того же рода – дневник гимназиста Федора Чижова, в котором 1 марта 1828 года автор сделал следующую запись: «В греческом классе читал “Путешествие из Петербурга в Москву”. [...] Оно не находится в печати, но в рукописях, и я его достал у Текменева». 10 марта он добавляет, что в ради-

23 Дружинин Н.М. *Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в.* М.: Наука, 1985. С. 252.

24 Там же. С. 50–51.

25 Цит. по: ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. *Указ. соч.* // Отечественная история. 1999. № 1. С. 73.

щевской книге «нашел очень хорошее определение гражданина»²⁶. Примечательно, что тот же Чижов одновременно переписывал для себя и поэму Кондратия Рылеева «Войнаровский», в которой была представлена картина всестороннего усвоения оппозиционных идей молодым поколением.

Особый интерес представляет вопрос о том, как относился к радищевской книге Пушкин. Судя по одной из строк «Послания к цензору» (1822) – «Радищев, рабства враг, цензуры избежал», – поэт был знаком с «Путешествием» уже в начале 1820-х. Кроме того, известно, что в его личной библиотеке хранился раритетный экземпляр уничтоженного тиража 1790 года «в красном сафьяновом с золотым тиснением переплете» и с владельческой пометой: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей. А. Пушкин»²⁷. Интерес Пушкина к Радищеву в 1830-х, как показывает Тартаковский, был многогранным: он отнюдь не ограничивался лишь «пугачевской темой», как полагали некоторые²⁸, а оставался частью его фундаментального замысла написать историю России XVIII века, включая царствование Екатерины II²⁹. Именно в этом контексте Пушкин обращался к дневнику Александра Храповицкого – статс-секретаря Екатерины II, – содержащему записи о реакции императрицы на книгу Радищева, и встречался с писателем Сергеем Глинкой, чьи записки содержали уникальные сведения о роли придворных группировок в судьбе гонимого писателя³⁰.

И все-таки, несмотря на широкое хождение списков и наличие обсуждаемого сочинения в библиотеках некоторых деятелей тайных обществ, прямых доказательств того, что «Путешествие» служило для декабристов чем-то вроде настольной книги, напрямую формирующей их политическую программу, по-прежнему не обнаружено. Как показывает тематический анализ литературы, интерес к Радищеву в первой трети XIX века носил сложный и переменчивый характер. Если в 1810–1820-х его фигура и труды могли восприниматься как символы свободной мысли, то к 1830-м, как показывает пушкинский опыт, они уже казались пусть и важной, но во многом устаревшей частью русской традиции вольнодумства, постулаты которой в новом

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

26 Там же. С. 74.

27 Модзалевский Б.Л. *Библиотека Александра Сергеевича Пушкина: Библиографическое описание*. СПб.: Императорская Академия наук, 1910. С. XVII.

28 См., например, мнение Юлиана Оксмана: ОКСМАН Ю.Г. *Пушкин в работе над «Историей Пугачева»* // Пушкин А.С. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962. Т. 7. С. 443–476.

29 Тартаковский А.Г. *Указ. соч.* // Отечественная история. 1999. № 2. С. 144–146.

30 См.: Храповицкий А.В. *Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова*. СПб.: А.Ф. Базунов, 1874; Глинка С.Н. *Записки* // Русская старина. 1895. № 6. С. 203–206.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

И ДЕКАБРИСТЫ

историческом контексте требовали критического отношения и больше не воспринимались в качестве прямого руководства к действию. Резкая, но во многом справедливая критика «Путешествия», которая представлена в статье Пушкина «Александр Радищев», написанной в 1836 году – за «варварский слог», «преувеличенность и пошлость», «пылкое злоречие», – служит красноречивым тому подтверждением. «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве», – сурово подытоживает автор³¹.

РАДИЩЕВ И ПРЕЕМНИКИ

Формирование образа Радищева как идейного предтечи революционного движения в России прошло через несколько этапов, каждый из которых отражал идеологический запрос своего времени. Если в первой половине XIX века его имя ассоциировалось преимущественно с распространением вольномыслия и критикой крепостничества, то к концу столетия, а особенно после 1917 года, Радищев был канонизирован как «первый пророк революции», чьи идеи якобы прокладывали путь большевикам. До их выхода на сцену интерес к Радищеву как к фигуре, стоявшей у истоков русской революционной традиции, активно демонстрировали в своих трудах народники. В 1909-м Василий Семевский в работе «Политические и общественные идеи декабристов» возвел генеалогию отечественной революционной мысли к Радищеву и конституционным проектам рубежа XVIII–XIX веков, а в 1911-м Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли» объединил в общий и связанный ряд Николая Новикова, Александра Радищева и декабристов, создав тем самым непрерывную цепь «борцов за свободу»³². Однако ключевой точкой, предопределившей дальнейшую судьбу образа Радищева в советской историографии, стала, как уже отмечалось выше, ленинская статья 1914 года «О национальной гордости великороссов». Ленин включил Радищева в пантеон «революционных предшественников» большевизма наряду с декабристами и разночинцами.

Хотя определенная, пусть и локальная преемственность между Радищевым и последующим революционным движением

31 Пушкин А.С. *Александр Радищев* // Он же. *Полное собрание сочинений: В 16 т.* М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1959. Т. 12 («Критика. Автобиография»). С. 36.

32 Семевский В. *Политические и общественные идеи декабристов.* СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909. С. 694; Иванов-Разумник Р.В. *История русской общественной мысли.* СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. С. 31–32, 55–56, 62–66.

действительно существовала, ее масштабы и природа все-таки не соответствуют советскому мифу. Гуковский, ссылаясь на исследования Владимира Семенникова, отмечал, что после возвращения Радищева из ссылки вокруг него сплотилась группа петербургских молодых людей, в которую, в частности, входили Иван Пнин, Василий Попугаев, Иван Борн. «Вольное общество любителей словесности» в первые годы своего существования было, по выражению советского литературоведа, «гнездом “радищевцев”»³³. Однако радищевское влияние оказалось кратковременным; кроме того, оно было ограничено крайне узким кругом начинающих литераторов. К моменту формирования декабристских тайных обществ в 1816–1818 годах эта непосредственная связь уже оборвалась. Таким образом, следует говорить не о прямой идейной преемственности, а о сложном, опосредованном и слабом влиянии, осуществлявшемся через культурную память и чтение запретного текста.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

Хотя определенная, пусть и локальная преемственность между Радищевым и последующим революционным движением действительно существовала, ее масштабы и природа все-таки не соответствуют советскому мифу.)

После октябрьской революции новые власти развернули широкую кампанию монументальной пропаганды, в рамках которой Радищеву отводилось особое место. Уже в 1918 году в Петрограде был установлен временный бюст Радищева работы скульптора Леонида Шервуда. На его открытии Анатолий Луначарский произнес речь, в которой назвал Радищева «первым пророком и мучеником революции», подчеркнув прогрессивность его разрыва с классом помещиков и сплочения с народом³⁴. Как видно из переписки Луначарского с Лениным, последний был крайне недоволен медленными темпами установки памятников и в телеграмме от 18 сентября 1918 года потребовал наказать ответственных за саботаж в этой сфере, упомянув в указанной связи исчезновение радищевского бюста³⁵. Символизм фигуры Радищева для выстраиваемого большевиками нарратива выглядит несомненным.

33 Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 467–468.

34 Луначарский А.В. Александр Николаевич Радищев – первый пророк и мученик революции. Речь на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 года. Пг.: Издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918.

35 Ленин В.И. Телеграмма А.В. Луначарскому и Н.М. Покровскому от 18 сентября 1918 года // Он же. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 50. С. 182.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

В 1920-е, в период становления советской исторической науки, гипотетическая связь Радищева с декабристами стала темой бурной дискуссии. С одной стороны, исследователи, поддерживавшие Нечкину, настаивали на прямой преемственности между ними, видя в авторе «Путешествия» идейного вдохновителя тайных обществ. С другой стороны, сторонники Дружинина указывали на шаткую документальную базу этого тезиса. Это противостояние сохранялось и в последующие десятилетия, хотя симпатии официоза в этом отношении оставались вполне недвусмысленными.

* * *

Представленный выше очерк позволяет утверждать, что устоявшийся в советской историографии тезис о прямой идейной преемственности между Александром Радищевым и движением декабристов по большей части представляет собой целенаправленно сконструированный миф. Материалы следственных дел рисуют картину не всеобщего и глубокого влияния радищевских текстов на участников восстания, но ограниченного и зачастую случайного знакомства с ними. Изучение рукописного распространения «Путешествия из Петербурга в Москву», при всей внушительности последнего, показывает, что в первой трети XIX века интерес к тексту далеко не всегда был чисто политическим. Наконец, сам генезис мифа о Радищеве выявляет его идеологическую заданность, берущую начало в ленинской схеме «революционных предшественников» и позже канонизированную марксистско-ленинской историографией. Наследие Радищева вопреки настояниям большевиков не служило для декабристов прямым программным руководством или значимым источником вдохновения. Его роль была иной: текст и трагическая судьба его автора составили заметный, но при этом архаичный и опосредованный элемент оформлявшейся культуры русского вольномыслия, атрибут культурной памяти, а не политической преемственности.